

ЖЕЛДАНИЕ

Миџра

МИРОСЛАВА АДЪЯР

18+

Мирослава Адьяр

Желание Тигра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62683763

SelfPub; 2020

Аннотация

Она – совершенно невыносимая, избалованная, безрассудная девчонка, и волей судьбы мне приказано доставить ее во дворец правителя, ведь от этого зависит жизнь дорогого мне человека. Я не смею испытывать к ней чувства. Я не должен даже смотреть на нее. Но что делать, если жестокая судьба отметила пленницу знаком моей истинной пары?

Содержание

Пролог	4
Виго	9
Заноза	16
Виго	21
Виго	34
Заноза	41
Виго	47
Заноза	53
Виго	59
Заноза	66
Виго	70
Заноза	81
Виго	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Пролог

Постель почему-то была очень жесткой и постоянно шуршала. С трудом разлепив глаза, я содрогнулась от острого спазма в затылке и перевернулась на другой бок, о чем тут же пожалела. Боль ударила с двух сторон, пробираясь в центр черепа и скручивая все на своем пути с такой силой, что вялые мысли должны были вывалиться через рот и закатиться под кровать.

Что вообще происходит и что это за “шурх-шурх”, мать вашу?!

Приоткрыв глаза, я уперлась взглядом в потолок.

Не своей комнаты.

Я зажмурилась и снова всмотрелась в темные доски, а они даже не думали исчезать. Все так же слабо покачивались, дразнили меня, кричали в полный голос, что я совершенно точно находилась не в своем шатре!

Первая же попытка встать закончилась острым ударом в висок. Боль была настолько сильной, что я скатилась с узкой койки, упала на пол, прилично ударившись коленями об проклятую древесину, и выплюнула несколько цветистых ругательств.

Вцепившись в кровать онемевшими пальцами, я поднялась и, стараясь не делать резких движений, осмотрелась по сторонам.

Комнатка была крохотная, едва ли могла сравниться с моим шатром, голый пол ничем не застелен, у стены справа стояла тумба с небольшим кувшином, в котором отчетливо что-то побулькивало. Пробовать я не решилась, хотя пить хотелось до одурения. Душу бы продала за глоток прохладной воды!

Качнувшись к двери, я не смогла удержать равновесие и со всей дури приложила плечом об косяк. Всхлипнув от боли, обиды и ярости, я уперлась в дверь ладонями, но та не сдвинулась ни на дюйм. Подергала ручку, подумала, что можно и пнуть ее посильнее, но... Новыми синяками разжиться совсем не хотелось, ведь ничего, кроме короткой рубахи без шнуровки, с здоровенной прорехой на животе и чуть порванным плечом, на мне не было. Я с трудом узнала свою ночную сорочку. Выглядела она так, будто я на полном ходу вкатилась в заросли пустынной колючки.

Я пошарила взглядом вокруг и схватила низенькую табуретку, одиноко стоявшую у кровати, и, размахнувшись от всей своей негодующей души, ударила по дереву. Грохот вышел оглушительным, а табуретка оказалась достаточно прочной.

– Выпустите меня! – взвизгнув от ярости, я ударила снова. – Выпустите или, клянусь пустынным ветром, мой отец вырвет вам глотки!

Удар! Еще один!

И еще...

За дверью послышались торопливые шаги, что-то щелкнуло. Замахнувшись снова, я поклялась себе, что живой не дамся и кто бы меня тут не запер – вмазать ему я смогу наверняка!

Когда дверь распахнулась, я зажмурилась и ударила не сверху вниз, а – наискосок, намереваясь снести челюсть – в идеале и голову – тому отродью, что решило вытащить меня из родного дома.

Табуретка застыла в воздухе – и никакого столкновения я не почувствовала.

От резкого рывка меня качнуло вперед, коленки подкосились и опора ушла из-под ног; а через мгновение я встретила лицом с полом и, кажется, на секунду потеряла сознание.

Кто-то грубо ухватил меня за ворот и потянул вверх. Я услышала треск ткани, от которой и так уже оставались одни лохмотья, подумала, что не хватало еще грудью светить, и рефлекторно хотела прикрыться, но руки не слушались. Я почувствовала на щеке горячее дыхание, а нос защекотал запахом песка и пустынного солнца, горьковатой сладости лисьих ягод.

Я сжала руку в кулак и, не открывая глаза, ударила наугад. Запястье прошила жгучая боль, а некто сдавленно охнул, но не отпустил.

– Сука! – громыхнуло над головой.

Отважившись глянуть на похитителя, я так и застыла,

с разинутым от удивления ртом, прошитая насквозь взглядом совершенно нереальных янтарных глаз, горящих таким неистовым гневом, что по коже побежали мурашки.

Но моя ярость оказалась сильнее.

Согнув ногу в колене, я ударила мужчину в живот изо всех сил и злорадно ухмыльнулась, когда подлец даже не попытался увернуться; но тут вторая рука незнакомца сомкнулась на моей лодыжке – и все веселье разом испарилось.

Короткое падение – и жесткий удар об пол выбил из меня весь воздух, а эта пустынная мразь бесцеремонно потащила меня за ногу обратно в ненавистную деревянную клетку!

– Пусти сейчас же!

– Угомонись или я тебе из твоих же трусов кляп сделаю!

– Нет на мне трусов, животное! Мало того что одежду испортил, так еще и без белья оставил! Извращенец!

– Или рот захлопни, – зашипел он, совсем как рассерженный дикий кот, – или я использую *свое* белье!

– Да ты что себе позволяешь, шакал?!

Извернувшись, я вцепилась в доски ногтями, но мужчина будто и не заметил ничего, продолжая тянуть меня к койке.

– Ты кто такой?!

Ничего не ответив, он бросил меня у изголовья и двинулся к выходу.

Здоровенный, мать его! Вон плечи какие широченные, с таким не поспоришь. Ух, собака рыжая, ну я тебе устрою!

– Сиди тихо, или оставлю без воды, – прошипел он зло-

радно, унося вместе с собой тот кувшин, что стоял на тумбочке у стены.

Злобно засопев, я вскочила на ноги, даже поискала глазами, что бы такое тяжелое запустить во врага, но разум в этой неравной схватке победил.

Пить хотелось. И если отец не найдет меня в ближайший день, то я долго не продержусь. В этой “коробке” было нестерпимо жарко – сварюсь, даже пикнуть не успею.

– Только тронь меня, и мой отец отдаст тебя песчаным собакам!

Незнакомец повернулся, и я застыла, не в силах сдвинуться с места. Его глаза – светящиеся и дикие – вызывали в глубине души какой-то животный, холодный ужас.

– Твой отец тебя продал, заноза. Не обольщайся.

Шаг назад – и хлопок двери. Я услышала, как шелкнул замок.

Что?

Что он только что сказал?..

Виго

Дерево штурвала обжигало ладони не хуже, чем угольки остывающего костра. Радовало, что девка пришла в себя, а то я уже грешным делом подумал, что перестарался и приложил ее слишком сильно, – но кто виноват?

Заноза собиралась сбежать, прямо из-под носа своего отца и моего заодно, а я никак не мог этого позволить.

Никак.

Я не похититель и не убийца, но на кону было слишком многое, чтобы прислушиваться к тонкому голоску совести.

И вот сейчас, щелкнув рычагом справа, я отошел в сторону и просто наблюдал, как корабль несется вперед, рассекая золотистый песок.

До стены долгий путь, а вокруг – полно опасностей. Мое везение могло закончиться в любую секунду.

Тело дрожало от напряжения, в голове мутилось, и на языке растекалась противная горечь. Я не мог есть и спать, только и думал о том, как бы быстрее добраться до дворца маджи.

И чем быстрее я это сделаю, тем быстрее получу назад дочь.

Скрипнув зубами от бессилия, я прикрыл глаза, поддаваясь накотившей усталости. Если бы та драная пигалица знала, каких усилий мне стоило просто бросить ее в каюте и выйти вон – она бы меня дождала. Слишком сильно я вымо-

тался за последние дни, едва на ногах стоял.

Фолки предлагал мне помощь, но я отгородился.

Он и так с женой подставился, не хотелось еще раз злоупотреблять дружбой. Сам разберусь.

Я очень на это надеялся.

От тягостных мыслей отвлек шум.

Заноза либо глухая, либо бесстрашная, либо дура – раз принялась снова колотить табуреткой по двери, не восприняв мою угрозу всерьез.

Учитывая, что я забрал у нее запас воды, – дура однозначна. Значит, пусть прожарится как следует, если по-хорошему не понимает. Мне приказано доставить ее живой, но никто не обещал, что я привезу ее здоровой. Пусть во дворце с ней маджа сам потом разбирается, плевать.

Бам!

Эффекта, конечно, никакого. Эти двери было тараном не снести, а девка все никак не могла уgomониться и билась так яростно, словно завтра уже никогда не настало бы.

Бам!

– Ничего, скоро тебе надоест, – проворчал я и тяжело прошагал к носу, где уселся на перила, свесив ноги вниз. Столкновения со случайными преградами меня не пугали. Корабль был достаточно “умным”, чтобы избежать их. Построенный из живокорня он чувствовал эти пески не хуже местных следопытов и мог сам придерживаться нужного курса, огибать препятствия и останавливаться, если я при-

кажу.

Бам!

Маленькая, неугомонная дрянь.

Мысль была вялой и отстраненной, я даже не потрудился встать. Пусть девчонка бесится, если ей так хочется. Рано или поздно силы закончатся – вот тогда и посмотрим, как она будет табуретками размахивать.

Солнце медленно клонилось к горизонту. Оранжево-красный край почти касался песчаного моря, и скоро на эти забытые всеми богами земли должен был опуститься ночной холод. Может, хоть к ночи бешеная баба устанет и ляжет спать?

Так и быть, оставляю в каюте кувшин, когда Заноза уснет.

Должна же она отрубиться рано или поздно?

Где-то под ребрами заворочалось непрошенное чувство вины. Все-таки малявка имела право знать, куда и зачем ее тащат, раз уж папка не удосужился предупредить дочь, что отдает ее в уплату долга.

Хорош отец, обделаться можно от восторга с таким папашей. Заноза даже не знала, что ее ждет, а когда подслушала разговор – а она точно его подслушала, зуб даю – так бросилась бежать в ночь, не разбирая дороги, – едва поймали.

Ее братец за всем этим с усмешкой наблюдал, мелкий ублюдок. Сразу видно – очень сестра ему мешала. Не ровен час – прикончил бы ее где-нибудь сам.

Я задолжал объяснение, раз уж семья у Занозы такая оказалась.

А то выволокли из родного дома, вырубил, бросили в каюту и увезли.

Впрочем, не все ли равно?

Очень скоро эта темноволосая проблема станет проблемой маджи, а дальше пусть делает все, что его душа пожелает, – только бы вернуть Мерай.

Только бы с ней все было хорошо...

– Выпусти меня, скотина! – А голосина-то мощный, девчонка вполне может оглушать им птиц прямо на лету. – Выпусти или я подожгу твою посудину! Я умею разводить костры и без огненных камней!

Закатив глаза, я поднялся, повел плечами, разминая затекшую спину, и спустился вниз, к каюте.

Бам!

– Подожжешь, сидя под замком? Да у тебя в голове сено.

– Это у тебя в голове будет сено, если ты сейчас же меня не отпустишь!

Бам!

– Я уже сказал – тебя продали. Что в этих двух словах тебе непонятно?

Тишина. Угомонилась, что ли? Так быстро?

– Ты лжешь, – слышлось из-за двери.

Девка, скорее всего, стояла вплотную, чтобы я точно услышал.

– Ты слышала наш разговор, иначе мне не пришлось бы глушить тебя, как дикое животное, и вытаскивать из кустов

возле лагеря.

Снова тишина, которую нарушало только злобное недовольное сопение.

– Так вот почему я такая ободранная!

– Сама виновата. Все могло быть по-хорошему.

– “По-хорошему”?! – выпалила она. – Выпусти меня или я буду долбиться в эту дверь, пока у тебя кукушку не сорвет! У меня сил полно!

Бам!

Удары посыпались на злосчастную дверь один за одним, а я все больше терял терпение. Отстегнув тонкую красно-золотистую нить, которой обычно связывал животных, я щелкнул замком и отошел в сторону, лениво наблюдая, как девочка пронесится мимо и, взвизгнув, врежется в противоположную стену.

В два движения окрутив пояс буйной девицы нитью, я пристегнул другой конец к своему ремню и наблюдал, как Заноза поднимается и отчаянно пытается испепелить меня взглядом. Растрепанные темные волосы совсем спутались, а рубашка выглядела жалко, но ничего подходящего все равно не было. По большому счету мне было плевать, в чем девочке предстояло добраться до дворца. Хоть голой – это не имело значения.

Девка нахохлилась, как рассерженная птица, но нападать не спешила, только рассматривала. Эта коротышка едва ли доставала мне макушкой до плеча – что бы она там не заду-

мала, а силенок не хватит.

– Эта хренотень меня не удержит, – буркнула она, дернув нитку.

– Удержит, – ответил я невозмутимо, – и лучше тебе вести себя спокойно, если не хочешь, чтобы я пристегнул тебя за шею.

Вздернув нос, девка зашагала на палубу. Держала она себя так, будто корабль – ее и это я тут в гостях.

– Я требую объяснений, – чеканя слова, она подошла к перилам и уставилась на скользящий под кораблем песок.

Я невольно усмехнулся. Ее наглость меня веселила, хоть я и предпочел бы вообще усыпить девчонку до самого конца полета, но правитель категорически это запретил. Ему была нужна не одурманенная жертва, а здравомыслящий человек.

Трахать накачаную наркотиком девицу, видать, не так весело.

– “Требуешь”?

Ветер дернул за подол порванной рубашки, чуть приподнял ее, открывая взгляду тонкое смуглое тело, бережно позолоченное солнечным светом.

Белья и правда не было. Меньше по кустам надо лазить, чтобы не терять трусы.

– Я имею право знать.

Ее ответ прозвучал глухо, почти отчаянно, но я не спешил обманываться. В малявке чувствовался стержень – такие не мирятся с обстоятельствами. Я был уверен, что она сейчас

просто обдумывала, можно ли сбежать и как.

– Твой отец уплатил долг. Ты должна понимать.

Хрупкие плечи поникли, а я услышал всхлип.

Она что, плачет?

– “Долг”? Ты везешь меня во дворец Ан-Салах, да?

– Догадливая.

Узкие ладошки легли на теплое дерево и сжали его с такой силой, что побелели костяшки.

– Ты меня не удержишь...

Рывок!

Девка взлетела вверх. Без сомнений, без лишних слов.

Она коснулась узкими ступнями перил и замерла всего на секунду.

Корабль подскочил на дюне, и я увидел как взметнулась в небо темная волна волос, а девка опасно отклонилась, раскинув руки в стороны.

Я бросился вперед, в мгновение ока поменял облик и врезался когтями в доски палубы, чтобы оттолкнуться сильнее.

Перемахнув через борт, я успел прижать глупую девицу к груди, прежде чем со всего маху встретиться с песком.

Заноза

Полет был коротким и болезненным. Рыжий бросился за мной так стремительно, что я даже испугаться толком не успела, даже не пикнула, когда сильные руки стиснули меня до боли – а потом все померкло. В голове пронеслась безумная мысль, что эта рыжая образаина перекинулся тигром. Прямо у меня перед носом! Раз – и стал животным!

Я, конечно, слышала об оборотнях, но никогда живьем не видела.

Чуть пошевелившись, я попыталась встать, но куда там!

Приоткрыв глаза, я уперлась взглядом в песок, куда меня бессовестно ткнули лицом.

Кто-то за спиной пыхтел и сыпал такими ругательствами, каких я не слышала даже от брата – а уж он-то мог похвастаться большим запасом всевозможных витиеватых проклятий.

Рывок! Многострадальная рубаха натужно затрещала и расплзлась по шву на боку; а я недовольно замычала, потому что это – будь оно проклято! – единственная одежда, которая на мне была, и тереться об песок голой грудью – удовольствие ниже среднего! Я почувствовала, как кто-то оторвал от подола широкую полосу и больно скрутил мои руки за спиной.

Гад!

– Опустит! – вместо грозного рыка получился какой-то невнятный всхлип, отчего песок набился в рот и я зашлась надсадным кашлем. – Отпусти котяра облезлый, чтоб тебя в дюнах шакалы драли!

– Завались уже, наконец! – зарычал он в самое ухо, а через мгновение – натурально зашипел, как самый обычный кот. – Идиотка, чуть не угробила нас обоих.

– Я прыгать за мной не просила, дубина! – выплюнула в ответ и тотчас взвизгнула от неожиданности, когда тяжелая ладонь хлестко ударила по обнаженной ягодице. – Я тебя убью, клянусь песчаными червями! Я тебя...

От резкого рывка на мгновение потемнело в глазах, а через секунду сверху нависла массивная тень. Проморгавшись, я собрала все свое негодование, всю свою ярость и унижение в одном испепеляющем взгляде... чтобы тут же вжать голову в плечи, рассматривая своего похитителя.

Проклятье...

А он ничего такой.

Обругав себя последними словами за внезапный интерес и малодушие, я все равно не могла отвести от мужчины любопытного и восхищенного взгляда. Как ребенок на ярмарке, который впервые увидел воздушных змеев и их игривые хвосты из умопомрачительных разноцветных лент.

Широкоплечий, мощный, в яркой, изрядно помятой рубашке. Непослушные рыжие пряди трепал ветер, но мужчина даже внимания не обращал – смотрел исподлобья, хму-

рился и стискивал зубы, а все лицо было усыпано веснушками, с любовью исцеловано пустынным солнцем. В глубине янтарных радужек рокотали грозы и билась золотыми всполохами жаркая, пустынная заря.

Аккуратная рыжая борода была вся в песке, на скуле наливался синяк, а я сидела голой задницей посреди какой-то дюны и думала о том, что, будь я проклята, а эта сволочь – удивительно хороша собой!

Он резко отстранился и дернул меня за шиворот, поднимая на ноги. Без особых церемоний мужчина закинул меня на плечо и, не обращая внимание на сопротивление, куда-то потащил. Песок зашуршал под подошвами его сапог, а перед моими глазами все поплыло, в горле забулькала горькая тошнота. И только я собралась сообщить похитителю, что вот-вот испачкаю его одежду, если он немедленно меня не поставит, как тот остановился.

– Остудись! – рявкнул он и просто бросил меня вниз.

В воду.

Оазис Дэваж. Это единственный оазис рядом с поселением, и Стену мы точно еще не проехали.

Есть шанс вырваться! Вернуться домой.

Оттолкнувшись от топкого песчаного дна, я с трудом вынырнула и отчаянно глотнула раскаленного воздуха. От рубашки остались одни лохмотья: на животе зияла дырища, кусок ткани едва прикрывал грудь, а узкая полоса внизу стыдливо скрывала за собой промежность.

Досада и ярость клокотали внутри меня, неслись по венам раскаленным дурманом, формируясь в одно конкретное желание – орать во все горло, топтать ногами, кусать и царапать, только бы вырвать себе свободу.

Потом – хоть потоп, но сейчас хотелось бежать навстречу закату и прыгнуть в кровавое солнце, навсегда покинув этот проклятый остров, который язык не поворачивался назвать домом.

Проморгавшись, я вскинула голову и встретилась взглядом с похитителем, который успел умыться и теперь смотрел на меня темными от ярости глазами. В горле моментально пересохло, а коленки предательски задрожали.

Всякие детский игры да шуточные драки не могли подготовить меня к столкновению с таким противником. Брат учил меня давать сдачи, бежать быстрее и прятаться лучше, но как справиться со здоровенным мужиком, что вдвое тяжелее и куда сильнее?

Колючие слезы обожгли щеки, и, зло засопев, я всхлипнула, закусила губу до крови – только бы позорно не разрешиться перед этим... этим!..

Крепкая рука намотала мои волосы на кулак и грубо потянула назад, до хруста в позвоночнике, зафиксировала – и сердце провалилось куда-то в желудок, когда мужчина навис сверху, заслоняя собой солнечный свет и весь мир.

– В себя пришла? – рявкнул он, а низкий вибрирующий голос прошелся по моим нервам колючими песчинками. Ли-

цо мужчины было так близко, что я отчетливо видела, как на виске пульсирует жилка, как грудь вздымается и опадает; а от мощного тела исходил такой жар, что мне казалось – я просто сгорю, если прикоснусь к этой усыпанной веснушками коже.

– Не увози меня во дворец, – прошептала я тихо. – Прошу! Я все равно не смирюсь, слышишь?! Я найду способ! Сбегу! Ты меня не удержишь, клянусь...

Язык заплетался, ломал и коверкал слова, кончик пощипывало от соли, а мужчина смотрел все так же пристально, будто не слышал ничего. От него так одуряюще пахло медом и пустынными цветами, крепким травяным чаем.

И он наклонился слишком близко, все еще держа меня за волосы, вплеп пальцы до самого основания, стиснул до боли, до тихого рычания, клокочущего в горле непролитыми угрозами и проклятиями; а я чувствовала, как реальность тонет в янтарном взгляде, и вяло думала, что никогда не видела таких густых и длинных ресниц.

Совсем как у девчонки.

Он собирался сказать что-то еще, наверняка какую-нибудь гадость или грубость, но я не дала ему такой возможности.

Качнувшись вперед, я отчаянно крепко прижалась к губам незнакомца.

Виго

От ее порывистого поцелуя я потерялся окончательно. Замер, вцепился в ее волосы, но медлил; хотя, видит Галакто, должен был сразу оторвать ее прочь от себя и бросить в озеро охлаждаться дальше.

Девчонка так доверчиво прижималась, так отчаянно льнула к груди, что я на секунду отпустил контроль и позволил ее языку скользнуть в рот. Неуверенно, неумело, но отчаянно, будто от этого поцелуя зависела ее жизнь.

Под пальцами медленно расплзалась тонкая ткань исполосованной сорочки, открывая острые хрупкие плечи, излом ключиц, и под ладонью скользила шелковая мягкость смуглой кожи, позолоченной и пропитанной солнцем.

Девица прикусила мою нижнюю губу острыми зубками, стянула ее в рот и что-то порывисто зашептала, прижалась влажным лбом к моему; а у меня по венам растекся непривычный горький жар, от которого мышцы скрутило болезненной судорогой.

Я хочу еще...

Эта раскаленная, как угли, мысль меня отрезвила, разлила до кровавой пелены перед глазами, хотя девка была и не виновата совсем. Это был отчаянный порыв или хитрый трюк, чтобы сбить меня с толку, – и Заноза в этом преуспела.

Я оттолкнул девчонку резко, грубо, так, чтобы у нее боль-

ше не возникало глупого и безрассудного желания поцеловать меня снова.

Дыхание вылетало из груди рваными хрипами, я никак не мог успокоить колотящееся сердце, подскочившее к горлу и застрывшее там колючим клубком.

Девка встала на ноги и впилась в меня ненавидящим взглядом.

Правильно! Лучше ненависть. Не смей жаться ко мне, не ищи защиты. Я никак не могу тебе помочь.

– Ты язычок свой острый всем в рот суешь при первом знакомстве? – мои слова задели девушку, заставив ее покраснеть еще сильнее и броситься вперед, отчаянно, без малейшего шанса хотя бы ударить меня в ответ.

Это был рывок человека, готового на любое безумие, – только бы вырваться на свободу.

Она врезалась в меня, но даже не сдвинула с места – просто повисла на моих руках, но вовсе не от бессилия, а всего лишь выжидая подходящего момента.

– Угомонись, Заноза. Пока я окончательно не вышел из себя.

Поставив ее на ноги, я подтолкнул девушку к берегу и поплелся следом, пытаясь прикинуть, как долго придется возвращаться на корабль. Парусник должен был остановиться сам, как только почувствовал бы, что хозяина нет на борту, но вокруг хватало проблем и без солнца и бесконечного песка.

Эта крохотная, изолированная от всей остальной пустыни долина – опасное, непригодное для обычной жизни место. Здесь почти не бывало караванов или случайных гостей – только несколько поселений, жители которых привыкли к условиям и охотились на песчаных тварей.

Местное зверье могло запросто уничтожить корабль, если бы почувствовало чужое присутствие.

Проклятье!

Дернуло же меня вывести девку из каюты! Стоило всего лишь оставаться безучастным. Дать ей воды, а еще лучше – усыпить. Благо у меня было достаточно настоек, которые вырубали бы ее на несколько дней, но я не мог. Боялся гнева маджи, приказавшего не применять дурман. Боялся, что он может обрушить свою ярость на Мерай.

Я бы стерпел все, что угодно.

Но маленькая девочка не выдержала бы, начни ублюдок ее ломать.

Гадство!

Девка замерла у самого краешка воды и уставилась себе под ноги, что-то рассматривая. Она выглядела жалко, подавленно, а узкие острые плечики мелко подрагивали. Ткань висела лохмотьями, блестящие струйки воды стекали по смуглым стройным ногам, а я заметил, что у Занозы дрожат колени.

В два движения оказавшись за ее спиной, я смотрел, как напрягается каждый мускул в тонком хрупком теле, а дев-

чонка вытягивается в струнку и задерживает дыхание, будто ожидает нового удара или грубости.

Главное, пусть не дергается.

Я распутал узел на ее запястьях и отбросил полоску ткани в сторону, а затем, ухватившись за ворот того, что когда-то было рубашкой, просто разорвал тряпку надвое, обнажая смугло-золотистое тело.

Заноза вскрикнула и рванула вперед, но моя рука в ее волосах быстро превратила яростный вопль в тихое хныканье.

– Угомонись, твою мать!

Стянув через голову свою рубашку, я умудрился расстегнуть пуговицы одной рукой и накинуть ткань на плечи девчонки.

– Застегнись! – рявкнул я ей на ухо и прошел мимо, стараясь не смотреть на несносную пигалицу.

– А как же ты?

От ее вопроса я чуть языком не подавился. Бросил через плечо вопросительный взгляд и заметил в карих глазах... Что? Беспокойство?

Это очередной трюк?

– Просто твоя кожа... – хмуро пробормотала девчонка и отвернулась. – У нас так даже старосты не ходят.

– Переживу, солнце вот-вот зайдет. Лучше о себе волнуйся, Заноза.

– У меня, вообще-то, имя есть!

– Мне неинтересно, – пожав плечами, я шагнул к девушке.

ке и стиснул ее запястье. Ее сопротивление не могло меня остановить – пусть хоть ляжет на песок, я просто потащу ее за собой!

– И сколько маджа тебе заплатил, чтобы приволочь меня во дворец?

В ее вопросе больше горечи, чем гнева. И направлена эта горечь была не на меня, нет. А на отца, на мир вокруг. На законы, которые вынуждали людей отдавать долги, и порой им приходилось делать это собственной плотью и кровью.

Долг пустыни священен.

– Мне никто не платил.

– И тебе не противно участвовать... во всем этом?

Я раздраженно цыкнул.

– Давай просто помолчим.

За спиной раздалось злое сопение.

– Но если тебе не платили, то почему ты так со мной поступаешь?! Почему просто не можешь отпустить?!

– Я обязан забрать тебя для уплаты долга.

– Но долг пустыни – дерьмо шакалье! – воскликнула девушка и дернула руку, будто и правда думала, что может вырваться. – Мой отец погряз в этих правилах, нарушение которых ничего не меняет! Боги плевать хотели на эти законы – никто не спустится с небес, изрыгая молнии, чтобы покарать провинившихся!

– Даже если я с этим согласен, то не могу тебе помочь, – я сам не понимал, зачем разговариваю с Занозой, но чувство-

вал, что задолжал ей хоть какое-то объяснение. – Есть определенные причины, и я ничего не могу изменить.

– Какая чушь! – она совершенно точно закатила глаза, пусть я этого и не видел. – Все, что угодно, можно изменить. Ты просто расскажи о своей проблеме, и мы вместе что-нибудь придумаем. А потом быстренько все решим, пошлем друг друга к такой-то матери и разойдемся!

Ее простота и наглость заставили меня улыбнуться.

Наивная девочка, дитя своего племени, не покидавшая пределов крохотного мирка. Открытая, бесхитростная, но ничего не знавшая о том, что вообще творится за пределами ее вселенной.

Она не могла мне помочь. Она не вернет мне дочь.

– Я доставлю тебя во дворец маджи. На этом все.

Заноза замолчала на несколько долгих минут. Мы просто брели по раскаленному песку, а я всматривался вперед, пытаясь рассмотреть корабль в горячем мареве.

– Ты думаешь, что я просто дурочка, да?

Обернувшись, я остановился и посмотрел на девчонку сверху вниз. Она встретила мой взгляд без страха. Мне казалось, что с каждой минутой Заноза становится увереннее. Она совершенно меня не стеснялась, не пыталась прикрыться, не поправила сползающую с плеча рубашку, которая была ей откровенно велика, не отворачивалась и не зажималась. Говорила как с равным, и только легкий румянец на щеках выдавал легкое волнение и смущение.

И это было плохо.

Очень плохо.

Иметь дело с уверенным противником куда сложнее, чем с затравленной жертвой. И мне было бы куда проще, если бы она визжала и испуганно закрывалась, пыталась сбежать, а не спокойно шагала следом.

Это развязало бы мне руки, в каком-то смысле оправдало бы грубость. Позволило бы скрутить ее, обездвигить, заставить замолчать, не травить мне душу ядом.

Ведь безмолвная жертва совсем не то же самое, что и обычный спутник, с которым ты идешь плечом к плечу.

Я смог бы с чистой совестью воспринимать ее как безличный груз.

Но все было совсем не так.

У этой малышки зрел какой-то план и она вела себя слишком уж уверенно, будто я семимильными шагами двигался в сторону умело расставленной ловушки.

– Я знаю, зачем я мадже. Не думай, что я какая-нибудь избалованная пустынная принцесска.

– Да ну? – я деланно удивился и скрестил руки на груди.

– Так и есть! – она в точности повторила мой жест и расставила ноги, будто пыталась удержать равновесие. – И не нужно тут грудь вперед выкатывать и бровь заламывать, я тебя не боюсь.

– Это ты еще не видела, какие острые у меня клыки.

– Я тебя целовала, нет у тебя клыков.

– Плохо искала.

Что я делаю? Зачем я ее дразню?

– Могу поцеловать еще раз, – девчонка хитро прищурилась, а в глубине ее зрачков вспыхнули лукавые огоньки.

– Очень странный способ бороться за свою свободу.

Она склонила голову к плечу и о чем-то задумалась. Я почти слышал, как крутятся мысли в этой буйной голове.

– Ты красивый. И пахнешь вкусно. Я не могла удержаться.

Мне показалось, что я ослышался, – но нет, ничего подобного! Девчонка хмурилась так серьезно, смотрела из-под густых ресниц – и через секунду обошла меня и потопала вперед, как будто ничего не случилось.

И кто тут захватчик, а кто жертва, м?!

Заноза

Кажется, я сильно ударилась головой. Так сильно, что весь здравый смысл вылетел со свистом и скрылся где-то за горизонтом, оставив меня один на один с раскаленным безумием. О чем я только думала?!

Этот рыжий мужик – захватчик.

За-хват-чик! Что в этом слове могло быть непонятного?!

Нет же! В голове полнейшая каша, и поцелуй этот дурацкий спутал все, что только мог.

Впрочем, все это меркло на фоне простого осознания – меня отдали мадже. Совершенно дурацкий, бессмысленный и беспощадный обычай, но от одной только мысли, что это чудовище выбрало меня, внутри все скручивалось тугими

узлами. Это нечестно! Просто несправедливо! Я не единственный шаби в поселении, так почему я?!

Да потому, что второй целительнице-шаби уже далеко за пятьдесят, ее тело не пригодно для замыслов великого и ужасного хозяина песчаных червей.

Тряхнув головой, я от души сплюнула под ноги и сморщилась от скопившейся во рту горечи. Чтоб у маджи поотсыхало все, пока мы явимся в его покои!

Живой не дамся – и точка.

Впрочем, можно было еще все исправить, если поторопиться.

Бросив быстрый взгляд на своего спутника, я невольно покраснела, от смущения и гнева одновременно. И правда ведь красивый, а рубашка, которую он отдал, пахла терпким чаем и разогретым песком, жаром сильного тела. Ткань была такая мягкая, что прикосновение к коже походило на самую нежную из возможных ласк.

Есть определенные причины, и я ничего не могу изменить,
– сказал он

“Причины”, значит? Это какие должны быть причины, чтобы пролететь весь остров, перебраться через защитную стену и добраться до нашей глухомани ради девки для правителя? Если ему и правда не платили, то что тогда? Пообещали что-то? Власть? Положение?

Шантаж? Но чем?

Я прекрасно знала, как ведут себя влюбленные люди, а ры-

жий слишком уж откровенно среагировал на поцелуй. Вряд ли его шантажировали любимой женщиной. Иначе он бы оттолкнул меня сразу же, ударил, наорал, показал, где мое место.

Похититель же стусевался, ответил на ласку жадно и порывисто, будто никто очень долго не целовал его.

И почему-то казалось, что ни власть, ни положение этому мужчине не интересны. От него исходил тот вид уверенности, какой я чувствовала у отца и других старейшин. У людей, рожденных, чтобы править и повелевать своим народом. Что же тогда маджа мог ему дать?

Впрочем, мне не следовало забивать себе этим голову, я – пленница. И у пленницы должно было быть лишь одно желание – освободиться от оков.

Сбежать как можно дальше, пока рыжий не исполнил угрозу и не притащил меня в Ан-Салах, где маджа только и ждал, когда же сможет запустить лапу мне в трусы.

Ведь именно для этого он выжидал, когда я вступлю в подходящий возраст. Зря! Зря я не принимала всерьез все эти разговоры с братом о том, что рано или поздно правитель пошлет за мной.

Я никогда не думала, что отец так сильно погряз в предрассудках и древних правилах. Однажды маджа вернул нашему поселению источник воды и потребовал за это лекаря, что вскоре должен был родиться. Кто же мог предвидеть, что этим лекарем буду я и час расплаты однажды придет? Про-

клятье!

Моя беспечность привела меня сюда.

Но я знала, что можно сделать.

Тело прошибло холодным потом, и взгляд сам по себе мазнул по идущему рядом мужчине, зацепился за рыжие волосы и сильные, мускулистые руки. Россыпь веснушек покрывала даже плечи и разбегалась по спине – и я внезапно ощутила, как от желания прикоснуться и погладить тугие мускулы начало покалывать кончики пальцев.

Мужчина делал вид, что не замечает моего взгляда, но по напряженной линии спины я понимала, что это – обман. Все он замечал.

Мадже не нужен был порченный товар – дар следовало инициировать. Чары лекаря стали бы восприимчивы к тому, кто разделит бы со мной ложе – и повелитель колючек очень хотел оказаться в моей постели первым.

Зачем? Эти вопросы стоило бы задать отцу.

А уж “испортить” товар – не должно было составить труда. В конце концов, мой похититель – всего лишь мужчина, и в пустыне было достаточно нужных мне ингредиентов для зелья, которое уничтожило бы даже в самом стойком слова “нет” и “нельзя”.

Оставалось только их собрать и подготовить.

– Стой! – команда была такой неожиданной и хлесткой, что я замерла на месте, с занесенной для шага ногой. – Мы не одни.

Нервно хихикнув, я огляделась, но ничего не заметила.

Под песками водились всякие плотоядные твари – не хотелось бы бесславно сдохнуть в желудке одной из них.

– Ты эти пески знаешь лучше меня. Где можно переждать ночь?

Чего? Переждать ночь? Он вообще как сюда летел, без подготовки?

– Ты каким образом до нашего поселения добрался? На молитвах и удаче?

– Тебя забыл спросить, как мне кораблем своим управлять и куда лететь, – холодно огрызнулся мужчина. – Так ты знаешь, где можно переждать ночь, или только трепаться и крушить мебель умеешь?

– Еще я умею выводить из себя мужиков, – зашипела я в ответ. – Особенно рыжих. А переждать можно вон там, – указав на пятно вдалеке, в котором едва угадывались очертания скал, я зашагала вперед, не собираясь дожидаться своего спутника.

– На своих двоих долго будет.

– Ты крылья отрастил, а мне не сказал? – хохотнула я, но тут же остановилась, когда что-то ухватило меня за подол рубашки. Глянув вниз, я вскрикнула и чуть не села прямо там же, где стояла.

А на меня уставились янтарные глаза здорового тигра. Хищник прихватил ткань клыками и мотнул головой, указывая себе на спину.

– Я на тебя не сяду.

“Еще как сядешь”.

Я не смогла удержаться от дурацкого смешка.

– А не то что? Залижешь меня до смерти?

“За жопу укушу. Тебе не понравится”.

Виго

Я бы предпочел просто протащить ее до скал по земле, ухватившись покрепче за воротник рубашки, но, подавив раздражение, опустился брюхом на песок, позволив девчонке взобраться на спину.

– Ты точно извращенец, – заворчала она. – Я как должна ехать на тебе? У меня, кстати, нет белья!

Я не удостоил ее ответом и выразительно ударил хвостом по песку. Тихое рычание вырвалось из глотки, а клыки нестерпимо зачесались от желания воплотить угрозу в жизнь и впиться в смуглую плоть.

– Ладно-ладно, я поняла, – девушка примирительно подняла руки и, подхватив подол рубашки, устроилась на моей спине. – Твое кисячье величество не готово к диалогу.

Резко поднявшись, я услышал тихий вскрик и замер, позволив Занозе обнять меня за шею. Ее руки мелко дрожали, но через секунду тонкие пальчики зарылись в мех и с девичьих губ сорвался восхищенный возглас. Она потерлась щекой о мой загривок, а потом совершенно бесцеремонно ухватилась за уши и потянула на себя.

– Вот это да! Какие мягенькие.

Я рванул с места, а девчонка взвизгнула, но тут же залилась смехом и восторженно обхватила меня руками, подставив лицо ветру и закатному солнцу.

Она так искреннее реагировала, так самозабвенно упивалась скоростью, что я невольно расслабился и позволил себе отдаться ощущениям песка под лапами; силы, струившейся по мускулам; огня в венах, способного испепелить меня изнутри, охватить нестерпимым жаром ребра и заставить сердце колотиться, как сумасшедшее, готовое в любой момент вырваться прочь.

Над землей прокатился странный грохот, и я повернул голову, чтобы увидеть как на горизонте клубятся тучи. Тяжелые, багрово-сизые, полные влаги и готовые разрыдаться с минуты на минуту.

Девчонка странно напряглась, прижалась к моей спине и быстро-быстро зашептала:

– Проклятье, проклятье! Это ангулы, небесные змеи. Они всегда приходят с грозами.

С грозами? Но ведь сезон гроз за стеной должен был давно закончиться!

Я бежал на пределе сил, однако скалы будто нарочно отдалялись, а вал грозовых облаков за спиной рос, закрывал собой все небо от края до края – и среди вспышек молний я видел мечущиеся тени, вытянутые, змееподобные тела, парящие на мощных полупрозрачных крыльях.

– Быстрее. Быстрее! – Заноза отчаянно вцепилась в шерсть, и мне показалось, что девчонка плачет – таким странным и хриплым стал ее голос.

Не успеем. Встретим грозу на полпути!

Стена дождя накрыла нас с такой силой, что я сбился с шага. Струи воды были столь плотными, что скручивались между собой и обрушивались на голову сплошным потоком.

– Не останавливайся, – тихо шептала Заноза и сильнее прижималась ко мне, будто искала защиты. – Если доберемся до скал, то сможем спастись.

Вот только как? Даже если там есть пещера, где можно укрыться, то чем обороняться? Отмахиваться мечом? И надолго ли нас хватит?

Мрак меня разорви, как все отвратительно складывается!

Всего пара шагов – и передо мной в землю врезалось серебристое гибкое тело. Полупрозрачные крылья распахнулись, демонстрируя наполненные густой кровью вены, змеящиеся под кожей. Сильные лапы взрывали влажный песок острыми когтями, а плоская короткая морда была расщеплена на четыре части, из-за чего казалось, что вместо рта у твари – какой-то зубастый цветок.

Существо бросилось вперед с такой скоростью, что я успел только рвануть в сторону, и, оттолкнувшись от песка, перемахнуть через ангула, завывшего столь пронзительно, что из ушей должна была брызнуть кровь.

– Самое время достать оружие! – взвизгнула Заноза и прижалась к моему загривку, уворачиваясь от пролетевшего над головой крыла второй твари.

Гениально, мать твою! Но для этого мне нужно было перекинуться обратно. Обращение скрывало все, в том числе

и клинки.

Проскользив на влажном песке, я вскинул голову в отчаянной попытке рассмотреть скалы за пеленой дождя, но потоки воды размывали все вокруг, превращая мир в бесцветное месиво; а отовсюду раздавалось бульканье и шипение, шлепки лап и шуршание когтей по песку.

– Мы окружены, – пробормотала Заноза. – Если у тебя есть какой-то план, то самое время им поделиться.

Пришлось почти стряхнуть ее с себя и вернуться к привычному облику. Отстегнув оба клинка, я, замешкавшись на пару секунд, перебросил один Занозе.

– Умеешь обращаться?

Она криво усмехнулась и выписала в воздухе несколько затейливых дуг, примеряясь к длине оружия и рукоятке, которая все-таки была великовата для ее изящной руки.

– Лучше следи за своим хвостом, – улыбка девушки стала шире, а в глазах запрыгали лукавые огоньки.

– Спина к спине, – скомандовал я сухо, молясь всем известным богам, умоляя их о точности собственного удара.

Врагов почти было не видно. Все они – размытые силуэты на фоне дождя. Опора под ногами могла подвести в любой момент, особенно когда ты этого совершенно не ждал.

Шипение справа заставило меня резко повернуться и принять удар на клинок. Не удар даже – мазок мощным чешуйчатым хвостом, будто тварь и не нападала вовсе, а просто пробовала, прошупывала врага, искала наши слабые точки.

Они набросятся всем скопом, когда поймут, что никакой опасности мы не представляем...

Я услышал крик и повернулся, чтобы поспешить на помощь, но девчонка уже на полном ходу врубала меч в голову неосторожного ангула, не успевшего увернуться и скрыться в пелене дождя. Второй противник не заставил себя ждать и попытался подкрасться к Занозе со спины, но я был быстрее.

Впечатывая клинок в башку твари, я ощутил, как под оружием треснула кость – и мягкий песок с радостью впитал вместе с водой густую кровь.

Крутанувшись, я рассек сплошную завесу дождя, разбрасывая вокруг алые капли, выписывая в воздухе тягучие дуги, оставляя на чешуйчатых телах широкие отметины, раскрывая плоть.

Клинок ожил в руке, зеленоватое свечение вспыхнуло, отбиваясь от водяных капель, сверкнуло и рвануло вперед, жадное до вражеской крови.

Орудя мечом, я не забывал посматривать на Занозу. Девчонка и правда умела обращаться с оружием, держала ангулов на расстоянии, хоть те и пытались достать ее.

Оглушительный визг обрушился на голову, подкашивая колени, а через секунду нечто мощное толкнуло меня в спину. Пролетев несколько ярдов, я врезался в песок – и выставил перед собой клинок как раз вовремя, чтобы отразить удар острого хвоста, похожего на наконечник копья.

Эта скотина была намного крупнее других ангулов. Из

раскрытой пасти вниз капала слюна, а зубы клещами у самой моей щеки, отчего я почувствовал гнилой дух горячего дыхания.

Вжимая меня в песок, ангул заорал снова – и в моем горле забулькала горькая кровь, и перед глазами все поплыло. Яростно ударив наугад, я ощутил сопротивление толстой шкуры и, не дав себе ни секунды на размышления, ударил снова.

Клинок вошел глубоко в шею, заставив тварь покачнуться и рухнуть вниз, содрогаясь в агонии и молотя по песку крыльями. Чудовищный вес придавил меня так, что не было возможности даже вздохнуть, а рядом уже закопошились ангулы помельче, подбираясь к легкой добыче.

– А ну пошли нахрен, жопы чешуйчатые!

Грозный рык Занозы дал мне несколько секунд, чтобы собраться с силами. Уперевшись руками в массивную тушу, я зарычал от натуги, пытаясь отпихнуть тварь в сторону.

Когда из-под мертвого ангула оставалось вытащить только ноги, в грозовых тучах вспыхнул просвет. Он рассек темное мясо облаков, пролив на землю красноватые лучи солнца, почти скрывшегося за горизонтом.

Враги завyli, оттолкнулись от песка и взмыли в небо, будто с грозой закончилось и время их охоты.

Поднявшись на ноги, я глубоко вздохнул и открыл рот, чтобы окликнуть Занозу, но она обернулась сама.

Обернулась с улыбкой, будто ничего веселее в жизни не

продельывала.

А за ее спиной зашевелилось чудовище, всего мгновение назад казавшееся мне мертвым.

– Берегись!

Тело действовало быстрее, чем разум. Оттолкнув девушку в сторону, я грудью принял удар заостренного хвоста. Отлетев назад, я услышал только, как Заноза кричит, чавкающий звук входящего в плоть меча и тихие торопливые шаги.

– Эй! Эй! Посмотри на меня, посмотри!

С трудом разлепив глаза, я понял, что медленно немею. Холод раскатывался от сердца вниз, скручивая живот противной, тошнотворной болью, словно кто-то запустил мне в нутро ежа – и тот катался по телу, встопорщив иголки.

– Не теряй сознание!

Девчонка выглядела такой испуганной, такой хрупкой и маленькой. Глаза расширились от волнения, прохладные руки поглаживали мои щеки, а по бледному лицу вниз катились крупные капли влаги.

Из-за дождя?..

Или она плачет?

– Не смей меня тут одну оставлять! – выкрикнула она отчаянно. – Не умирай!

Дурочка.

Если бы я мог...

Заноза

Несколько раз вдохнув-выдохнув, я села прямо на песок и попыталась собраться с мыслями.

Качнувшись вперед, я приложила ладонь ко лбу мужчины. Его кожа была влажной от пота и дождя, дыхание вылетало изо рта рваными хрипами, а на груди расплывалась красная отметина. Тонкие лучики-щупальца растягивались под кожей, медленно подбираясь к сердцу.

Яд ангулов!

У меня может не хватить сил вывести его, даже с помощью дара.

Нервно облизнувшись, я плюхнулась обратно на песок и поежилась от холода.

Я же не собираюсь его спасти, правда?

Поднявшись на ноги, я принялась расхаживать из стороны в сторону. Мысли в голове путались, сталкивались и разлетались мелкими колючими осколками, что ранило даже сильнее клинка.

Рыжий забрал меня из дома силой, тащит в Ан-Салах, где судьба меня ждет не просто незавидная – отвратительная!

Разве не легче просто... бросить его здесь?

Слово-то какое страшное... бросить.

Звучит почти как “предать”, но откуда это волнение?

Разве он мне муж или брат, чтобы думать о таком поступ-

ке как о предательстве?

И куда мне идти?

Домой?

Отец меня там точно не ждет. Любой человек в порыве стремится вернуться домой, к тем людям, кто тебя знает и любит... любил. Но теперь я понимаю, что путь туда мне закрыт.

Как только появлюсь на пороге родного шатра – так и все! Единственное, что меня ждет, – кляп во рту и новый наемник, который будет куда жестче и злее, чем этот рыжий котяра.

Но если я останусь, если попытаюсь исцелить его, то путешествие продолжится.

– М-мерай...

Слово сорвалось с дрожащих губ мужчины и заставило меня удивленно прислушаться.

Мерай?

Обхватив ладонями его лицо, я склонилась над мужчиной, прижимаясь губами к влажной коже лба.

Рыжий горел. То проваливался в беспамятство, то выныривал из густой темноты, а его глаза были затянуты мутной пеленой боли и лихорадки.

Небо стремительно темнело, а первые порывы холодного ветра уже покусывали мои голые ноги. Земля быстро остывала, и я должна была принимать решение быстро.

Нахмурившись, я хлопнула ладонью по влажному песку. В

сердце ворочались раскаленные “иголки”, а руки сами тянулись к груди мужчины, наливаясь мягким зеленоватым свечением.

Я – шаби. Я – целитель и должна хранить жизнь, а не уничтожать ее. Даже если этот несносный мужик довезет меня до Ан-Салах – сбегу любым возможным способом. Удери из дворца, скроюсь в толпе и вообще покину Нерех.

Только бы набраться сил и упрямства.

– Держись, киса, я тебя не оставлю, – потеряв ладони друг об друга, я коснулась горячей кожи и прикрыла глаза. Это не уничтожит яд, но хотя бы поставит мужчину на ноги, поможет добраться до скал, где можно укрыться до утра, а завтра...

Завтра я найду нужные травы. Я его выхожу, обязательно.

И заодно сделаю нужное мне зелье. Так или иначе, а отказываться от своей затеи использовать тигра в личных целях – я не хочу.

Не допущу, чтобы маджа меня получил, – этого песчаного червя будет ждать большой сюрприз.

Свет, струящийся от моих ладоней, проникал под кожу мужчины, вырывал из горла сдавленное рычание, и на его руках вместо обычных человеческих ногтей появились мощные когти. Я на мгновение испугалась, что он сейчас ударит меня, рефлекторно, не понимая, кто перед ним – друг или враг.

Янтарные глаза распахнулись, впечатали меня в песок

напряженным взглядом. В самой глубине расширившихся зрачков плескались непонимание, недоверие и такое глубокое отчаяние, что мне стало страшно.

– Я не могу убрать яд магией – только кратковременно поделиться с тобой силой, понимаешь? – я помогла ему сесть, а через секунду – встать на ноги. – Мы должны добраться до скал. Вон они, всего ничего осталось. Только держись, хорошо?

Тигр молчал, ни слова не произносил, отчего становилось еще страшнее. Он медленно переставлял ноги, пытался держаться уверенно, но нет-нет, да опирался на мое плечо – и в эти моменты я сдавленно шипела и проклинала все на свете.

– Прости... – вдруг прошептал мужчина, когда услышал очередной поток ругательств, и с трудом выпрямился, стараясь не наваливаться на меня слишком сильно.

– Тяжелый ты парень, – я попыталась улыбнуться, обхватила мужчину за пояс, чтобы поддержать. От мощного тела исходил обжигающий жар, под пальцами угадывался какой-то шрам, которого я не заметила раньше. – Будешь как новенький, вот посмотришь.

Скалы, казавшиеся на фоне колючего звездного неба абсолютно черной кляксой, были все ближе. От камня веяло теплом. Он остынет не сразу, позволив путникам нарвать сухой колючки, росшей здесь под защитой горной гряды, и набрать горючих жуков.

Подняться к небольшой, скрытой среди камней пещере

казалось мне почти невыполнимой задачей, но тигр держался молодцом.

Силы подвели его в самом конце, когда над нашими головами небо заслонил кусок скалы, а под ногами оказался не песок, а твердая темная поверхность.

Колени мужчины подкосились – и он повалился на землю, как мешок с трухой. Помогая себе лишь руками, он повернулся и уперся спиной в стену, устраиваясь так, чтобы видеть выход из пещеры.

Рыжий не пытался пошевелиться, когда я выскользнула наружу и набрала башмы – кустарника, который любил каменистую почву и жару. Ими местные охотники обычно разжигали костры для ночлега под открытым небом.

Порывшись под одним из камней у входа, я ухватила за хвост двух светляков и безжалостно сдавила их в ладони, чтобы раскрошить панцири и добраться до мягкой обжигающей сердцевины.

Вернувшись в пещеру, я свалила башму в паре футов от тигра и бросила сверху раздавленных жуков. В то же мгновение вверх потянулась тонкая струйка дыма и вспыхнуло слабое пламя. Колючка будет тлеть всю ночь и даст достаточно тепла, чтобы не околеть среди камней.

Бесстрашно уместившись рядом с тигром, я обняла мужчину за плечи и потянула на себя, почти заставив его положить голову мне на колени.

– Что ты делаешь? – пробормотал он.

– А ну-ка, перевернись немного. – Мужчина послушался безоговорочно, будто вообще устал от споров и был не в том положении, чтобы сопротивляться. – Я буду сдерживать яд до утра, а на рассвете вернусь к оазису и наберу нужные травы, чтобы вылечить тебя.

– Ты не можешь идти одна, – янтарные глаза рассматривали меня из-под полуопущенных ресниц, а я прекрасно понимала, какие мысли вертятся в голове тигра.

Что я его брошу умирать, сбегу и махну рукой. О чем еще он мог подумать?

– Пока яд в твоём теле – ты не сможешь никуда пойти, – ответила я холодно. – Я разложу у входа дымогорье, благо оно здесь тоже растёт. Никакая тварь не войдет в пещеру, пока я не вернусь.

Мужчина устало прикрыл глаза и тяжело вздохнул, а я совсем осмелела и запустила пальцы в густые рыжие пряди.

Мягкие. Даже странно.

– Как тебя хотя бы зовут, кот?

Он едва приоткрыл рот, каждое слово давалось с трудом, а жар уже утягивал его разум во мрак.

Ответить мужчина не успел.

Отключился.

Виго

Дышать было тяжело. В груди противно булькало, хрипело и похрустывало – хотя последнее мне, скорее всего, просто казалось. Жар накатывал, набрасывался изголодавшимся зверем, впивался невидимыми клыками в плоть и рвал ее в клочья, заставляя захлебываться жуткими кошмарами и видениями, толпившимися на самом краю угасающего сознания.

Подняться я даже не пытался – не хватало сил даже на то, чтобы сесть, не говоря уже о чем-то большем.

Интересно, Заноза и правда вернется или просто успокаивала меня, как успокаивают смертельно больного, когда помочь ему уже нельзя, но и пугать не хочется.

Что я бы сделал?

На ее месте – сбежал бы, не задумываясь. Раз уж Заноза прекрасно знает, для чего я тащу ее в Ан-Салах, то сбежать – самое разумное из решений. Это инстинкт – любой здравомыслящий человек будет спасать свою жизнь. Следующий вопрос – куда? Но первый порыв был бы один – спастись, унести ноги и забыть, что эта неприятность вообще в жизни приключилась.

Однако Заноза сказала, что вернется, и почему-то я ей верил. Это была ненормальная, странная реакция, но девочка вызывала чувство, что перед тобой – открытый человек, ко-

торый точно не прячет за спиной камень, чтобы потом швырнуть его тебе в спину.

Она говорила то, что думала.

Она спасла мне жизнь. Не бросила там, где грозовая тварь меня подкосила, не сбежала, не растерялась. Пыталась исцелить, почти на себе дотащила до скал.

И от этого все становилось только сложнее.

Я не решился встать на ноги, поэтому просто немного приподнялся и уперся спиной в стену.

С трудом сфокусировав взгляд, я пытался рассмотреть, что происходит у выхода из пещеры, но девчонка умудрилась завести меня вглубь каменного мешка, откуда было видно только краешек неба.

С трудом сглотнув я пожалел, что рядом нет ни капли воды, и попытался отвлечься от давящей жажды.

А если Заноза нарвется на какую-нибудь тварь?

Или на несколько?

Это просто мука какая-то!

У меня не хватало сил сдвинуться с места, собственное тело не слушалось, я ничего не понимал, не чувствовал уверенности ни в чем, а где-то в Ан-Салах меня ждала дочь – и я никак, совсем никак, не мог действовать быстрее.

И совсем ничего не мог придумать для Занозы.

Куда ни плюнь – везде был тупик.

Даже если я явился бы в город тайно и попытался пробраться во дворец, то любое неосторожное действие погуби-

ло бы Мерай. У меня не было плана, при котором я бы мог спасти их обеих, и приходилось решать.

А от такого решения становилось тошно и гадко. За себя. За собственную слабость.

Мне казалось, что я прикрыл глаза всего на секунду. Тяжелый сон обрушился на плечи неподъемным грузом, утягивая меня в далекое прошлое. Истлевшее и пыльное, как старый ковер, брошенный на чердаке.

Когда я забрал Мерай у ее матери, она была такой испуганной, забитой и слабой. Мама была всем ее миром, всем, что она знала, – и тут этот мир поломался и рассыпался горькой пылью, оставив малышку посреди неизвестности.

– Мама же еще вернется, правда?

Она стояла на палубе, вцепившись в мой пояс крохотными ручками и тихонько всхлипывала. Горячий ветер трепал темные кудряшки, а я видел не маленькую девочку, а полуразмытый призрак ее матери – так сильно они были похожи.

– Если ты будешь о ней помнить, – ответил я, поглаживая мягкие спутанные волосы и прижимая девочку крепче, будто мог взять на себя ее горе.

Я бы взял.

Я бы все отдал, только бы малышка забыла весь тот ужас. Чистые души не заслуживали подобных страданий, это было просто нечестно.

Мерай посмотрела на меня так серьезно, как взрослая, и

медленно кивнула.

– Я буду помнить. И ты тоже, дядя Виго. Если мы будем помнить маму вдвоем, то она вернется быстрее, правда?

Что-то мягкое коснулось щеки, и я увернулся, как от удара, распахнул глаза и рефлекторно перехватил чужую руку.

Глаза Занозы расширились, став похожими на блюдца, а рот приоткрылся в немом протесте. В руке она сжимала влажный лоскут, явно оторванный от моей рубашки.

– Отпусти, – скомандовала девушка, и я подчинился. Бережные прикосновения уняли головную боль, а через минуту губ коснулось что-то холодное. – Это нужно выпить.

– Что?..

Заноза криво усмехнулась и сама сделала первый глоток.

– Это не яд. Противоядие. Моей силы недостаточно, чтобы вывести отраву ангулов из твоего тела, так что пришлось по старинке – травки, корешки, жопки жуков, крепкое словцо.

– “Жопки жуков”?

– Не капризничай и пей давай!

От первого глотка меня прошиб холодный пот. Такой убойной гадости я еще никогда не пробовал! Кисло-горькое месиво, в котором без труда угадывался корень песчаной слезы, какие-то дикие ягоды и мерзкий привкус подгнивших листьев.

Когда первый приступ тошноты откатился, я почувствовал себя лучше. Горячие тиски на груди чуть разжались, а

темное пятно там, где ударил хвост ангула, едва-едва посветлело.

– Пить надо через каждый час, – бормотала Заноза, обтирая мое лицо влажной тряпкой. Из широких темно-зеленых листьев девушка смастерила что-то похожее на флягу и дала мне напиток. – Завтра будешь как новенький.

Я пристально изучал ее лицо, но не мог найти подвоха. Девчонка совершенно искренне пыталась помочь.

Почему?

Нос защекотал запах ее разогретой солнцем кожи, а волосы выглядели куда аккуратнее, чем раньше. Они влажно поблескивали и тугими темными прядями обнимали хрупкие плечи, доходя почти до коленок. Припухшие губы чуть открылись, обнажая ровные белые зубы.

Облизнувшись, девчонка чуть отодвинулась, пытаясь сохранить дистанцию.

– Почему ты меня спасла?

Заноза так искренне удивилась вопросу, что на мгновение я потерял дар речи и желание вообще что-то еще спрашивать. Весь ее вид будто кричал: “А как иначе?!”

– Я – шаби. Целитель не отнимает жизнь, он дарит ее, если может.

– То есть мысли бросить меня у тебя не было?

Заноза повела плечом, отчего ткань рубашки съехала вниз, обнажая смуглую кожу. Запах, который до этого едва ощущался, теперь чувствовался острее. Горько-сладкий цве-

точный аромат с примесью гвоздики. Тяжелые пряди волос чуть сместились, скрывая от меня часть точеного лица.

– Была, – призналась девушка. – Но я не смогла бы так поступить. Это подло.

И это при том, что я собираюсь поступить с тобой подло?
Отдать тебя мадже.

Жизнь за жизнь. Разве может быть что-то подлее этого?

– Нам нужно на корабль...

Я попытался разогнать повисшее вокруг нас напряжение, но девчонка и тут все испортила: отставила в сторону флягу с лекарством, сладко зевнула и бесцеремонно улеглась на пол, используя мое бедро как подушку.

– На закате, – она подняла руку, стоило мне только рот открыть. – И не спорь с шаби! Пей по два глотка каждый час – иначе свалишься, и в этот раз я тебя на себе не потащу.

– Бросишь помирать? – хмыкнул я. И вот куда девать руки? Не класть же лапу на плечо девчонки, даже если ее кожа так и просится под ладонь.

– Брошу, – проворчала Заноза и свернулась клубочком, – хоть ты мне и очень нравишься, жопа пушистая.

Заноза

Я почти никогда не видела снов. Укладываясь спать в родном шатре, я всегда знала, что ни один страх не вырвется из-под контроля и не потревожит мой ночной отдых. Но в этот раз сон все не шел. Я ворочалась с боку на бок, а рыжий не просыпался – или только делал вид, что спит – глаза не открывал и, как мне казалось, даже не дышал, когда я снова и снова пыталась найти покой в этой проклятой пещере, под этими проклятыми каменными сводами.

Вторую флягу рыжий не заметил. Крохотный шарик из листьев, покрытых слоем клейкой грязи, из-за которых самодельная емкость была похожа на небольшой камешек, хранивший в себе ценный груз особого порошка.

Я легко могла бы использовать его прямо сейчас, пока тигр был слаб и не имел никаких шансов на сопротивление. При желании даже можно было найти, чем его связать, – его же собственной рубахой! Это сильно упростило бы мне жизнь!

Так почему я медлю и внутри так тянет и болит? Почему не могу просто исполнить то, что задумала? Будто я поступаю отвратительно и все это напрасно.

Прикрыв глаза рукой, я изо всех сил пыталась убедить себя, что другого пути нет, но снова и снова путалась в мучительном ощущении неправильности.

Это же почти... да не почти, а самое настоящее насилие! Разве я – человек, который спас тигру жизнь; человек, который так отчаянно доказывал, что шаби дарят, а не отнимают, – могу теперь вот так поступить? И это я что-то там ему заливала про "подлость"?

Стыдобища! Я не имела права строить из себя добродетель.

Отец бы от меня отрекся. Точно! Так и сделал бы, узнай, на что именно я разбазарила свой талант и знания.

На дурман.

На дрянь, которая лишает воли.

Плевать!

Он уже отрекся от меня, когда отдал мадже. Лишил права выбора, свободы, будущего, возможности познать любовь с тем, кого я захочу сама. Все отобрал, ни крошки надежды не оставил!

И я не могу и не хочу с этим мириться.

Снова повернувшись на бок, я почувствовала тяжелую ладонь, сжавшую мое плечо.

Кожа у тигра все еще была горячей, хоть и не такой, как несколько часов назад. Ладонь скользнула выше, мягко поглаживая мои высохшие волосы и пропуская прядки сквозь пальцы. Ласка была такой нежной и невесомой, что я невольно замерла – только бы не спугнуть очередным неосторожным движением или вздохом.

Мужчина определенно спал, его дыхание оставалось раз-

меренным и глубоким, но рука то и дело возвращалась к моим волосам и выписывала на плече и шее замысловатые завитушки. Тигр касался меня самыми кончиками пальцев, отчего по моей коже разбежались мурашки, а в груди все перемещалось и замирало.

Грозный на вид, а такие нежные прикосновения.

Как к пустынному цветку или тонкой паутинке.

Я старалась не отдаваться этим ощущениям, но в то же время стремилась запомнить каждое из них. Видит Галакто, а после моей выходки тигр может и голову мне снести – только бы отомстить за поруганную гордость и проваленное задание.

Важное задание, раз этот странный мужчина грудью меня заслони́л от удара. Не задумался, не помедлил, а бросился на врага яростно, без сомнений – чем совершенно выбил у меня почву из-под ног.

– Нам пора идти, – вдруг раздалось над ухом, а я чуть не вскрикнула от неожиданности. При этом прикосновения прекратились: ладонь все так же скользила по волосам, а я совершенно терялась в догадках, что такое произошло за те несколько часов, что тигр спал.

Уж не сошел ли мужик с ума?

Может, яд что-то там у него в голове повредил?

– Что ты делаешь? – спросила я тихо, почти шепотом, устроившись щекой на крепком бедре. Плотная ткань штанов чуть царапала кожу, и это чувство шершавости с одной

стороны и мягких поглаживаний с другой заставило меня разомлеть окончательно.

– Не знаю. – Я могла даже не поворачиваться, чтобы понять, что тигр неопределенно пожимает плечами. – Наверное, пытаюсь сказать “спасибо”. Как умею.

Усмехнувшись, я прикрыла глаза, позволяя себе всего на мгновение представить, что мир вокруг – самое спокойное из возможных мест. Что мы просто путешественники, вольные странники, решившие отдохнуть на пути за горизонт.

И эта фантазия мне нравилась.

– Словами через рот было бы проще.

– Я не слишком в этом хорош.

Я бросила взгляд на выход.

Камни окрасились красноватым золотом, солнце медленно клонилось к закату, а значит, и правда было пора выдвигаться, если мы хотели добраться до корабля, пока окончательно не стемнеет. Почему-то мне казалось, что в этот раз тигр не станет искать укрытие, а будет упрямо переть вперед даже в крошечной темноте.

– Как тебя зовут? – мой шепот был похож на тихий шелест песка. Он был едва уловим, но тигр услышал.

Рука замерла, пальцы поглаживали мой висок почти неощутимо, нащупывая дрожащую жилку, разгоняя кипящую кровь, а мужчина молчал. Упрямо, напряженно и настороженно.

– Зачем тебе?

– Кто знает? Вдруг я сбегу из дворца маджи, вернусь в пустыню и решу оторвать тебе яйца. А имени не знаю! Вот и как мне тебе искать, без имени?

– Ты сейчас отбила мне все желание представляться.

– Хорошо-хорошо, обещаю ничего тебе не отрывать.

Совершенно бессмысленный разговор, но почему-то было так легко и спокойно говорить ни о чем. О всякой ерунде, не имеющей значения.

Все, что угодно, – только бы оттянуть тот момент, когда придется выбраться из пещеры и дойти до корабля, потому что это будет значить, что мы снова движемся к Ан-Салах.

Навстречу моему уничтожению.

– Скажи, – я вычерчивала на ноге собственного похитителя узоры и завитки, вела себя совершенно беспечно – будто мы лучшие друзья, знаем друг друга тысячу лет. Это чувство родства пробралось под ребра и испугало меня. Я не должна относиться к этому человеку так! Просто не должна!

Это какая-то непонятная, противоестественная привязанность и симпатия, от которых сжимается сердце и становится так тоскливо, что хоть волком вой.

– Виго, – ответил тигр и убрал руку, будто почувствовал мой страх и смятение.

– Скажи, что такого тебе пообещал маджа?

Я должна знать.

Я просто обязана это выяснить!

Мужчина подтолкнул меня, вынуждая подняться, но ни-

чего не ответил. Все его внимание было сосредоточено на выходе из пещеры, откуда доносилось шуршание и шипение.

Казалось, что прямо там кто-то нас ждал, но я знала, что звуки в пустыне могут обмануть.

– Уходим. Сейчас же, – сухо бросил Виго и за пару секунд перекинулся в тигра.

Кот хлестал себя хвостом по бокам и нетерпеливо порывался. Стоило только устроиться на его спине, как Виго сорвался с места и выскочил в объятия утихающей жары, под краснеющее небо. Рядом действительно кто-то шипел, но я прижалась к спине зверя и зажмурилась изо всех сил, пытаюсь привести в порядок мысли.

Маленькая фляга с зельем казалась мне невыносимо тяжелой.

Как и навалившееся на плечи чувство стыда.

Виго

Внутри все бурлило и выплескивалось в сердце обжигающим ядом. Трепетная забота Занозы меня тронула, оставила где-то под кожей горящий отпечаток, настоящее клеймо как напоминание о ее добrote и моем неотвратимом предательстве.

Я все испортил, просто позволив ей выйти на палубу.

Насколько просто было бы оставаться безучастным, отстраненным и холодным. Насколько просто было бы приносить воду и держать девчонку на расстоянии.

Заноза жалась к моей спине, крепко сжимала бедрами бока и никак не хотела оставить в покое мои уши. Все время дергала за них, мяла и гладила, как ребенок, получивший в подарок мягкую игрушку. Запах девушки будоражил меня все сильнее, и я никак не мог понять, что происходит. Никогда еще моя внутренняя суть не реагировала так на других женщин – а было их достаточно, чтобы судить.

Я не хотел думать о том, что бы это могло значить.

Возможно, сказывалось долгое одиночество. Последние годы я отдавал только Мерай, ничего вокруг не видел, все – только для дочери и ее благополучия. Все мои инстинкты перестроились на защиту ребенка, ее воспитание и обучение, отчего о себе думать не было ни сил, ни времени.

А тут такое открытое создание, пусть и рот Занозе иногда

хотелось с мылом помыть.

Да что там иногда? Почти всегда.

Песок тихо шелестел под лапами, а девушка, как мне показалось, задремала, уткнувшись лицом в мой загривок. Я даже не представлял, чего ей стоило проделать обратный путь до оазиса, набрать все нужное и вернуться, да еще при этом не угодить в ловушку, не столкнуться с местным зверьем и не разжиться ни единой царапиной.

Вернуться, чтобы выходить меня.

Неправильно все это.

Неестественно.

Она должна была сбежать, но не сбежала. Это должно вызывать у меня облегчение, но не вызывает.

Слишком уж легко все получается, если не считать неожиданное нападение ангулов. Это тоже должно меня радовать, но не радует.

Пытаясь вытряхнуть из головы непрошенные мысли и сомнения, я увидел впереди свой корабль. Он парил над песком, покачивая раскрытыми парусами, которые мягко светились, накопив в себе солнечный свет.

Крылья, протянувшиеся вдоль бортов, казались красными из-за заката.

Обагреными кровью.

От корабля веяло какой-то одинокой обреченностью, отчего я на мгновение сбился с шага – и девчонка на спине вздрогнула, встряхнулась, как дикий зверек, и принялась

озираться по сторонам. Я слышал тихое, текучее шуршание рубашки, скользившей по коже; то, как Заноза запустила пальцы в волосы и ерошила густые пряди на затылке.

И зевала так сладко, будто мы тут на отдыхе, а я не тащу ее к мадже, силой, неизвестно для чего.

Я так остро все это чувствовал, что стало горько, а в пасти перекачивался комок тошнотворной кислоты.

Чуть пригнувшись к земле, я позволил Занозе соскочить на песок. Мне придется подняться первым, чтобы потом втащить ее на палубу.

Перекинувшись в человеческий облик, я вдохнул полной грудью и размял шею. Все-таки такие долгие забеги по пустыне, да еще и с грузом на спине, давались мне нелегко; а девчонка наверняка отсидела все, что могла.

Подпрыгнув, я ухватился за крыло. Быстро подтянувшись, взобрался на палубу и осмотрелся, чтобы удостовериться, что никто не устроил тут гнездо, пока хозяина не было.

Вроде, все спокойно. Небывалая удача, что никакая тварь не испортила парусник и не решила устроить какую-нибудь вакханалию в каютах и на палубе. А ведь я даже не успел поднять щиты, когда выпрыгнул следом за Занозой!

– Эй, ты там про меня забыл, что ли?

Голос у девчонки – испуганный и взволнованный. Она переминалась с ноги на ногу и поглядывала по сторонам. Со всем не похожая на себя прежнюю, дерзкую и смелую.

Я сбросил вниз веревку и наблюдал, как Заноза хватается за нее крепко-крепко и ждет, пока я втяну ее наверх.

Ее шагов я даже не слышал, стоял спиной к девчонке, потеряв всякую осторожность и подозрительность. И мозги, наверно.

Только почувствовал теплое тело, когда она подошла почти вплотную и тихо что-то пробормотала, заставив меня повернуться, чтобы переспросить.

И получил заряд какой-то пыли в лицо.

Рефлекторно вдохнув, я закашлялся так сильно, что вот-вот должен был избавиться от легких. Странная дрянь проникала внутрь с каждым новым глотком воздуха, неслась по венам болезненным жаром и выкручивала мускулы до такой степени, что не было сил сдвинуться с места.

Рухнул я удачно.

Благо хоть за борт не вывалился и не свернул себе шею к едрени матери, а просто привалился спиной к перилам.

Силы испарились, из головы напрочь вылетели все мысли, а язык превратился в сухую, выжатую тряпку.

Что, опять?! Опять, мрак меня раздери?!

Я вяло наблюдал, как Заноза берет веревку и принимается наворачивать узлы вокруг моих ног и рук, обхватывает двумя тугими петлями шею и стягивает мои запястья за спиной, лишая малейшей возможности вывернуться.

Впрочем, я бы и не смог. Воля, стремление к свободе и желание свернуть бабе шею за такой подлый прием дружно

взялись за руки и сбежали в закат, истошно хохоча; а все, что осталось, – это тело.

Опустошенное, накаленное до предела и живущее своей собственной жизнью ниже пояса.

Возбуждение было таким неожиданным и мучительно острым, что я чувствовал себя каким-то долбаным девственником, впервые любовавшимся стройными ногами красавицы. Тяжелая волна истомы скрутилась в паху предельно болезненной пружиной – и я невольно застонал и закусил губу до стального привкуса крови на языке.

– Не сопротивляйся, – слова Занозы доходили до меня, как сквозь густой кисель. Ее голос был почти осязаем, даже имел собственный охряно-оранжевый цвет, что выписывал вокруг меня тугие спирали и бил по нервам, пробирался под кожу.

Она застыла всего в шаге от меня, такая вся чистая и невинная – а стояк натянул ткань штанов чуть ли не до треска.

Неестественное, дикое желание сметало одну за другой все плотины и воспоминания.

Маджу. Мое задание.

Мою дочь.

Мой долг.

Оставалась только необузданная, колючая похоть.

Девчонка потянулась к рубашке и поспешно стащила ее через голову, но не отбросила в сторону сразу, а несколько

секунд прижимала к груди.

Тряхнув копной волос, Заноза решительно отбросила ткань, а я нашел в себе силы зажмуриться, хоть и успел увидеть достаточно, чтобы мозги окончательно превратились в кисель. Мне казалось, что я выдыхал самое настоящее пламя.

Это дурман.

Наваждение!

Я – хозяин своего тела...

Первое же прикосновение к члену вышибло из меня всю волю разом. Юркие тонкие пальцы быстро расправились с ремнем и пуговицами и нырнули под белье, сжимая окаменевшую плоть в кулаке. Неловко, неумело, но твою мать...

– Аргх, проклятье!.. – прохрипел я. – Остановись...

Натянул веревки, стягивавшие меня, но куда там!

Узлы были скручены мастерски.

Дубина, идиот! Зачем только доверился? Спиной повернулся, открылся?

Я почувствовал, как девчонка села мне на бедра – и плохо сдерживаемый рык рванул в небо, а мышцы от напряжения готовы были лопнуть в любой момент.

Мы столкнулись взглядами, и эта дрянная, двуличная пигалица крупно вздрогнула и облизнула пересохшие губы.

– Я тебя убую...

– Разве что своей дубинкой, – в ее горле булькнул нервный смешок, но через секунду тонкие бровки сошлись к пе-

реносице и голос стал совершенно серьезным: – Прости меня, тигр. Я не хотела, чтобы так вышло...

Заноза

Мне было страшно. Так страшно, что глупая шутка про дубинку вырвалась сама собой, – о чем я тут же пожалела, потому что взгляд тигра не обещал мне ничего хорошего. Мужчина прямо говорил всем своим взъерошенным видом: “Я тебя прикончу. И ты будешь умолять о том, чтобы это случилось быстро и безболезненно”.

Хотелось поцеловать его, хоть как-то снизить градус собственного страха, остро смешанного с возбуждением. Хотелось хоть какой-то ласки, пусть я и не заслуживала ничего, кроме презрения за такой низкий поступок.

Я не смогла удержаться и прижалась к приоткрытым губам мужчины, поймала его тяжелый горячий вздох и стон, от которого напрочь сдуло все мысли, точно пустынный ветер пробрался в шатер моего сознания, чтобы шалить и ломать.

– Прости, – шептала я снова и снова. – Прости...

Что могли изменить слова?

Может, я сама себя пыталась убедить, что если попрошу прощения, то все когда-нибудь наладится?

Мужчина откинул голову назад, насколько позволяли веревки, а я наблюдала, как на его шее натягиваются от напряжения жилы и дергается кадык.

От нового поцелуя тигр увернулся, зыркнул так зло, с такой горечью во взгляде – будто хотел выплюнуть мне в лицо

поток проклятий.

Возможно, он и выплюнул бы, вот только зелье частенько ломало голос, если не рассчитать дозу. А у меня на расчеты времени не было – вот мужик и молчал, только шептал и хрипел иногда, – слов было не разобрать.

Я могла бы прислушаться, но в этот момент меня больше заботили собственные переживания и противоречия.

Глянув вниз, я тяжело сглотнула.

Дубинка – она дубинка и есть! Галакто будто нарочно мужчину неслабо одарила, чтобы воплотить в жизнь мой спонтанный план было тяжело и больно. Если вообще возможно без подготовки.

Страх и стеснение медленно вытесняли любые намеки на возбуждение, жар медленно растворялся в холодных порывах пустынного ветра, а текущая со всех сторон тьма близкой ночи сдавливала все сильнее, мешая сосредоточиться.

Проклятье, я все совсем не так себе представляла!

Тряхнула головой, пытаюсь отогнать колючие, мельтешащие мысли, и чуть приподнялась, чтобы устроиться удобнее. Скрип веревок и тихий треск древесины меня насторожили.

Я заметила, что лицо мужчины исказилось: в нем проступили животные, дикие черты. Чуть удлинились клыки, царапнув нижнюю губу, а я как замороженная наблюдала за набухшей капелькой крови, текущей вниз по подбородку Виго.

Тигр дернулся с такой силой, что я взвизгнула и качнулась назад, растянувшись на палубе, совершенно голая и дрожа-

щая как осиновый лист. Вскочив на ноги, я охнула, когда на горле сомкнулись крепкие пальцы. Кожу царапнули острые когти, а лицо обдало горячее хриплое дыхание мужчины.

Он так сжал руку, что из моих глаз брызнули слезы. Вцепившись в его запястье, я царапалась и пыталась поймать горящий взгляд, где не осталось ничего человеческого.

– Прошу... – темнота медленно подкрадывалась к мыслям и чувствам, воздуха совсем не хватало даже на крошечный вдох.

И тут мужчина застыл.

Окаменел и уставился на мое ничем неприкрытое тело, сосредоточившись на чем-то под левой грудью.

Его губы дрогнули, растянулись в злом, хищном оскале. Я уловила шепот, больше похожий на шуршание песка:

– У маджи моя дочь, – сказал Виго и двинулся вперед, волоча меня по доскам без какой-либо жалости.

Захрипев, я попыталась вывернуться, но мужчина ни на секунду не ослаблял хватку – и через мгновение я услышала щелчок замка, а дверь ударилась о стену, когда Виго толкнул ее плечом.

Несколько шагов до кровати – и я полетела на узкую койку и больно ударилась головой об изголовье. Перед глазами закружились звездочки, краем уха я уловила еще один хлопок – и все вокруг стихло.

В каюте я осталась одна.

Мыслей в голове совсем не было. Они раскололись от уда-

ра о реальность, с которой я ничего не могла сделать.

Вот тебе и причина, которую я хотела узнать.

Вот и причина...

Скрутившись клубочком на койке, я впервые за все это время позволила себе разреваться.

Виго

Я метался по палубе, как загнанный зверь, не в силах справиться с болезненной пульсацией в штанах, полным бардаком в мыслях и разочарованием в собственном благоразумии. Перед глазами все еще стоял знак, что я увидел у Занозы под грудью.

Проклятье-проклятье-проклятье!

– Твою мать! – взревел я в черное, прошитое звездным светом небо, но слова ломались и крошились, превращаясь в тигриный рык. Вцепившись пальцами в волосы, я почувствовал, как кожу царапнули острые когти. До крови и едкой, отрезвляющей боли.

Я ненавидел богиню Галакто в этот момент.

Сука, которая только и делала, что играла с судьбами людей, преподнося им неприятные сюрпризы. Возвращала души в телах оборотней просто потому, что при жизни что-то не устроило ее долбаное величество.

Сталкивала с сужеными в те моменты, когда это было нужно меньше всего!

Заноза такая мягкая, открытая, смелая. Безрассудная.

И знак тигриной метки у нее под грудью – как клеймо. Немой упрек и напоминание для меня, что ничего в этой жизни не дается просто так. И что избавиться от пристального внимания Галакто так же невозможно, как в спину себя

укусить.

И я не знал, что делать дальше.

Точнее, я знал это слишком хорошо, но в голове не укладывалось все то, что произошло за каких-то пару дней.

Я встретил совершенно невыносимую, безрассудную дикарку, готовую пожертвовать собственной свободой, только бы спасти абсолютно чужого человека. Врага и похитителя.

Встретил ту единственную, что могла бы избавить меня от проклятия.

И теперь я должен был отдать ее мадже, потому что в противном случае потерял бы дочь.

Это невыносимый, чудовищный выбор – и я не мог с ним справиться, не способен был объять его рассудком. Он казался огромным, всепоглощающим, как ночь вокруг; и в отличие от реального мира, где звезды и луна разгоняли даже самый плотный мрак, ко мне озаряющее решение не приходило.

Хохот, едкий и злой хохот рвал мне легкие, а я не стал его сдерживать. Рычание вперемешку с всхлипываниями несло прямо в небо, а вокруг шуршали песчаные волны и яростно бились о борт корабля.

Положив руки на штурвал, я сжал пальцы и очнулся, только когда треск древесины резанул по ушам. Когти вошли глубоко и оставили за собой внушительные борозды.

В горле встал противный, горький ком, на языке перекачивался привкус странного зелья, которым напичкала меня

Заноза, и возбуждение никуда не делось. Оно просто откатилось назад, спряталось для того, чтобы запустить раскаленные иглы мне в позвоночник при первой же возможности.

Проклятая травница!

Упервшись лбом в теплое дерево, я попытался дышать глубоко и медленно, чтобы хоть на секунду погасить бушующее под кожей пламя. В голове снова и снова крутился образ девчонки, что так доверчиво жалась к груди и пыталась прикрыться рубашкой, даже не понимая, что делать дальше и как все это пережить.

Сердце ударилось о ребра с такой силой, что я невольно застонал. До стены было еще далеко, и еще дольше – до Ан-Салах.

Маджа не устанавливал никаких временных рамок, но только дурак бы подумал, что поиск целительницы можно тянуть до бесконечности. Нетерпение правителя было слишком очевидным.

Внутри все сжималось, и от одной только мысли, сколько времени я потратил на побегушки с девчонкой, меня прошибал холодный пот.

Слева послышался странный протяжный вой. Из песчаных волн вверх рванулось нечто, укрытое черной крупной чешуей. Рухнув вниз, существо скользило по песку едва ли не быстрее самого корабля. Ночному гостю даже пришлось немного замедлиться, чтобы двигаться рядом с бортом.

Я напряженно наблюдал за созданием, рассматривал мощ-

ные костные наросты, которые в темноте слабо светились.

Никакой агрессии я не чувствовал, только любопытство.

Непуганое здесь зверье! Мало кто бывает за стеной – вот всякая живность и не приучена еще бояться кораблей и чужаков.

Все здесь подчинялось законам пустыни, таким же древним, как и остров Нерех. За стеной всегда рождались самые сильные целители; и местные старейшины самодовольно усмехались и объясняли это “особой связью с духами песков”, но я особо никогда не верил. Любому явлению свойственно обзаводиться красивой легендой, которую можно потом рассказывать восторженно и с придыханием в каком-нибудь захудалом трактире.

На деле история с “могучими” целителями – далека от мистики и духов.

До того, как за стеной выросло несколько крупных поселений и рассыпались, как зерна из порванного мешка, крохотные шатровые стоянки, этими песками правили аншати – девы-змеи.

Они могли плавать в песках, как в море, они создавали настоящие сады. В их умелых руках могло зацвести все, что угодно, и с этими землями аншати были на “ты”. Именно они доставляли в самое сердце Эронгары плоды меленги и целебные настойки, поднимавшие с постели даже безнадежно больных.

Именно первые дети, рожденные от союзов людей и ан-

шати, унаследовали целительную силу, и эти же союзы уничтожили дев-змей. Разногласия. Войны и истребление друг друга.

И люди, которые в итоге забыли, как же все происходило на самом деле, предпочитали рассказывать, что духи даровали им силу.

Со временем, конечно, дар мельчал. Истончался, растворялся, оставляя после себя только жалкие крохи бывшего могущества.

Такие, как Заноза, – исключения.

Опасные исключения, привлекающие внимание людей с властью и возможностями.

А впереди еще самоубийственный обратный переход через стену.

Вдохнув поглубже, я пошел к каютам, чтобы проверить девчонку. Где-то в глубине души червячок сомнений и страхов медленно грыз мои внутренности и нашептывал, что девка может надеть глупостей после своего неудачного соблазнения. Ничего такого в ее каюте не было, что она могла бы использовать, но все же...

Остановившись у двери, я уже протянул руку к ручке, но замер и призадумался. Зелье Занозы все еще действовало.

Она могла попытать удачу снова! Одно только воспоминание о стройном теле, смущении и дрожащих руках, стыдливо прижимавших к груди скомканную рубашку – да еще и эта, мать ее, метка! – подняли жар в груди. Внутренний

зверь протяжно зарычал, забился под кожей, расплескивая по венам терпкий яд болезненного возбуждения.

Я только загляну, правда-правда. Мне нужно убедиться, что с девчонкой все в порядке.

Развернувшись на пятках, я толкнул противоположную дверь и чуть не растянулся на полу, зацепившись о край ковра. Вот же! Мерай только и делала, что тащила на корабль всякую чепуху, пытаюсь “украсить” каюты. Ковер этот дурацкий, об который я регулярно спотыкался, каждый раз забывая, что он вообще тут есть!

Мерай даже слушать не хотела мое ворчание про то, что в жилых помещениях должен быть минимум вещей, что это просто опасно! Если шторм или еще какая дрянь накроет нас в дороге, то любая лишняя украшулька может стать смертельно опасной. Вот завалился парусник на бок – а тебе в голову прилетела какая-нибудь долбаная ваза!

Правда, теперь уже и злиться не хотелось.

Я бы даже пообещал не ворчать больше и скупил бы дочери все мелочи, какие она попросит.

Только бы снова услышать ее голос рядом.

Хлопнув в ладоши, я заставил вспыхнуть светляка под толком. Пожалуй, единственная полезная штука, купленная Мерай.

Мягкий желтоватый свет разогнал по углам глубокие тени, а я старался не останавливаться и не смотреть по сторонам. Казалось, что зацепись я взглядом за любую мелочь – и

волна воспоминаний уже не даст уйти, не отпустит, как зыбучий песок, и подломит волю.

В самом дальнем углу, скрытый под стопкой тонких одеял стоял массивный сундук.

Для своего возраста Мерай была довольно рослой и иногда, ради развлечения, покупала совсем девчачьи одежды, вроде блуз и юбок, которые никогда потом не носила. Только крутилась иногда у зеркала или выбегала на палубу, чтобы похвастать обновкой.

Мерай приучена к сражению, а жизнь вокруг – не была такой уж простой, но иногда лучше вспомнить, что ты всего лишь девчонка и тебе совсем мало лет. Просто чтобы не сойти с ума.

Я искал определенные тряпки, помнил, что у дочери где-то есть вещи, которые были откровенно ей велики. Зачем купила?

“Они просто очень красивые, Виго”.

И правда. Красивые.

– Вот оно...

Я вытащил из аккуратной стопки темно-синюю блузу, расшитую тончайшей красной нитью.

Слишком длинная и свободная для Мерай – она вполне подойдет Занозе. Наверное.

Поспешно схватив одежду, я выскочил в коридор как ошпаренный и закрыл за собой дверь.

Стоило только сделать шаг к каюте Занозы, как воздух на-

мертво застрял в горле, а пальцы с такой силой вцепились в блузу, будто я тонул, а это – мой спасательный круг.

Подняв руку, я хотел постучать, но вовремя опомнился.

Ты, вообще-то, ее запер, идиот. Может, еще спросишь, можно ли войти?

Пошарив в кармане штанов, я достал ключ и глазел на него, как на диковинное чудовище.

Щелчок замка показался мне оглушительным, несмотря на то, что отсюда был прекрасно слышен и скрип дерева, и шорох песка; но все звуки будто отошли на второй план, оставив только этот тихий скрежет металла об металл.

В каюте тоже горел светляк, только куда тусклее, чем у Мерай.

Заноза лежала на койке, свернувшись калачиком, и тихо всхлипывала. Ее плечи мелко подрагивали, а руки судорожно стискивали тонкое покрывало.

Может, она и услышала, что дверь открылась, но виду не подала.

Аккуратно положив блузу на стоящую у кровати табуретку, я хотел просто повернуться и уйти. Это было бы самым правильным решением. Я хотел проверить, все ли с Занозой в порядке? Вот и проверил.

– Ты оставишь меня здесь?

Тихий голос девушки резанул не хуже ножа.

– Выпускать тебя опасно. Сиганешь снова за борт – спасти тебя придется. Такими темпами мы никогда не доберем-

ся до стены.

– Я не буду убегать.

Девушка села на кровати и бросила взгляд на блузу, а я отвернулся, только бы не видеть обнаженное тело. Тяжело сглотнув, я даже отступил назад, к перегородке, и сцепил руки за спиной в замок, чтобы избежать любых, даже случайных, прикосновений.

– Красивая... – пробормотала Заноза, поглаживая вышивку. – Сколько лет твоей дочке?

– Двенадцать, – голос просел и охрип, а взгляд девчонки чувствовался кожей и обжигал до самых костей.

– Не великовата для нее блузка?

– Тряпка красивая. Вот и купила.

Зашуршала ткань, и по моим рукам побежали мурашки. Украдкой посмотрев на Занозу, я отметил, что этот цвет ей идет.

Какая ерунда у меня в голове, честное слово!

– Через час я принесу еду и воду, – я старался говорить твердо и холодно, чеканить каждое слово, чтобы у девчонки даже мысли не возникло повернуть очередную глупость. – На палубу не выпущу. Я тебе больше не доверяю.

И еще больше не доверяю самому себе.

Девушка кивнула и опустила голову, рассматривая блузу.

– Я поняла.

Только у двери меня снова остановил ее голос. В нем была мольба и сожаление такой силы, что хоть волком вой.

– Я не хотела, чтобы все так вышло.

Тяжело вздохнув, я позволил себе слабую улыбку, которую Заноза наверняка не заметила даже, – да и хрен бы с ним! Когда улыбаешься, то уже и голос не звучит так, будто не с женщиной разговариваешь, а плетью из камня выбиваешь искры.

– Я знаю.

– Ты должен был с самого начала мне все рассказать!

Она вскочила так резко, что чуть коленки не подкосились. Лицо краснющее, в свежих дорожках от слез.

– И что? – спокойно спросил я. – Что бы ты сделала?

Сил на гнев или злость уже не осталось. Какая она все-таки наивная еще. Маленькая.

– Мы бы... не знаю... придумали бы что-нибудь!

– Как ты придумала сегодня?

– Я не это имела в виду.

– А что? – я протянул руку и коснулся дверной ручки. Ее прохлада меня немного успокоила, остудив раскаленную ладонь. – Борьба за собственную жизнь – это похвально и правильно. Но план у тебя – полная дрянь. И планировщик из тебя плохой. И что бы ты сделала, если бы я тебя разорвал? Если бы убил тебя? На этот случай у тебя тоже был план?

– Лучше ты, чем маджа.

В ответе было столько уверенности, что я невольно вздрогнул.

– Через час я принесу поесть. Не вынуждай меня кормить

тебя силой, а то вдруг тебе в голову придет план умереть от истощения.

Почти выбежав в коридор, я с яростью захлопнул дверь и повернул ключ в замке.

А ведь стояк никуда не делся... хоть штаны свободные теперь носи, твою мать.

Я медленно сполз на пол и уперся затылком в дверь.

Клянусь всеми богами, если когда-нибудь умру, то Галакто станет первой, кому я отвешу оплеуху.

Заноза

Виго не обманул и уже через час вернулся с кувшином воды и глубокой миской, где лежали сушеные фрукты, вяленое мясо и хлеб. Признаться честно, голода я не чувствовала совершенно, но у тигра был такой взгляд, что отказаться посмел бы только дурак или больной. Все его угрозы о насильном кормлении пронеслись в голове, подобно порыву пустынного ветра, и я не решилась перечить.

И так уже сказано и сделано было достаточно, лучше не усугублять.

Виго вошел в каюту тихо, тяжело прошагал к тумбочке и поставил на гладкую, отполированную временем и тысячами прикосновений поверхность посуду. Его взгляд был полон теней и тревог, а я никак не могла придумать, что же сказать тигру такого, чтобы сгладить неловкость и вернуть все, как было.

Да ничего я не могла сказать.

Каждый из нас делал то, что должен, и так, как мог.

Кто-то сражался за собственную жизнь с мечом в руке, а у кого-то были только травы, снадобья и немного хитрости.

Впрочем, хитрость мне не помогла. Я была так скована страхом, что не могла даже толком пошевелиться!

– Так и будешь держать меня взаперти до самого Ан-Са-лах? – спросила я, невинно хлопая глазами. Виго мне не до-

верял, но, возможно, хотя бы выслушает? Я действительно не собиралась больше убегать. Будь оно проклято, но шаби не могла обагрить свои руки кровью невинного. Особенно ребенка.

Может, нам удастся что-то придумать! Выкрутимся.

С нужными ингредиентами можно даже создавать бомбы! Набрать десяток-другой – и разнести дворец по камешкам!

Правда, судя по выражению лица Виго, он догадывался, о чем я думаю. И заранее всеми своими жестами и взглядами говорил мне четкое и окончательное “нет”.

– У меня нет ни сил, ни желания снова вытаскивать твою задницу из дюн.

Я обошла кровать по дуге и заметила, как тигр напрягся. Он походил на натянутую тетиву лука, а стрела должна была вот-вот сорваться и прошить мне сердце навывлет, оставив на полу только бездыханное тело. Пустую оболочку без мыслей и будущего.

Протянув руку к миске, я ухватила полоску мяса и принялась усиленно жевать. Это отвлекало от мрачных мыслей и разгоняло тучи над головой. Подняв кувшин, я сделала большой глоток прямо из горла и, не найдя ничего подходящего, вытерла рот ладонью.

Виго наблюдал за каждым моим движением слишком уж пристально. Он стоял у двери, за пределами моей досягаемости, будто пытался избежать любого, даже случайного прикосновения.

Его янтарные глаза светились в полумраке комнаты, вызывая в теле крупную дрожь, даже трепет. Казалось, что за мной следит самый настоящий хищник, который нет-нет да может броситься из-за укрытия и впиться острыми клыками в открытое горло.

Это походило на танец, какой всегда исполняли девушки поселения перед молодыми людьми.

Энлис ан шалай.

Танец на остывшем песке.

Как наяву я видела горки из круглых колючек, горящих так ярко, что отблески пламени растекались вокруг золотистыми щупальцами, вычерчивая на песке замысловатые узоры, вензеля и завитушки.

Старейшина стоял точно в центре, между кострами, и, подняв руки вверх, стараясь дотянуться до темного неба кончиками пальцев, распевал песни-обращения к духам знойного ветра, песка и сезонных дождей.

Девушки ждали этого дня каждый год. Ждали возможности выбрать своего мужчину.

Мы могли выбирать.

Точнее, *они* могли выбирать. Я-то уже была лишена такой роскоши.

И девушки кружились в замысловатом танце вокруг костров, наряженные в невесомые шелка, взбивая ногами облачка песка. На тонких лодыжках поблескивали нити браслетов, а некоторые из девушек надевали на изящные пальцы

колечки с крохотными колокольчиками, наполняя ночь мелодичным перезвоном.

Воспоминания нахлынули так неожиданно, что я не сразу поняла, что беззастенчиво пялюсь на тигра, а он в долгу не остается и пялится в ответ. Я даже успела забыть, о чем вообще шел разговор, а вот Виго прекрасно помнил – и его губы растянулись в хищной усмешке, обнажив острые клыки. Видать, действие моих трав еще не прошло – звериная суть все еще ясно проступала в чертах мужчины.

– Ты останешься в каюте.

– Давай просто поговорим, – я сделала шаг к двери и заметила, как на виске Виго нервно пульсирует жилка. Он вжался спиной в дверь, отгородился от меня, закрылся, скрестил руки на груди и смотрел так мрачно, с вызовом, что я тяжело сглотнула и замерла, как испуганный лисенок перед пустынной змеей.

– Я понимаю твою ситуацию, тигр, – я говорила тихо и вкрадчиво, пытаюсь успокоить встревоженного мужчину, показать, что я не собираюсь делать глупости. – Я понимаю, что ты делаешь все это ради дочери. Ребенок в руках маджи – это отвратительно, и я бы, наверное, поступила точно так же.

– Зубы мне не нужно заговаривать! – зашипел Виго и сильнее вжался в дверь.

– Я даже не пытаюсь! – упрямо вскинув подбородок, я решилась на еще один шаг. – Но я знаю, чем опасна стена, которая отделяет нас от большого мира.

– Как-то я сюда без посторонней помощи добрался, – язвительно парировал тигр.

– Ты попал *внутрь*. Тут много ума не нужно, особенно если понять, что войти в наши земли – не проблема. Стена пропускает любого желающего, потому что мы здесь – по доброй воле. И люди приходят сюда по доброй воле, решив стать единым целым с пустыней. Но никто не говорит, что ты сможешь *выйти*.

– Я рискну. Без твоего участия.

– Какой же ты... ты!..

Он изогнул рыжую бровь, ожидая продолжения.

– ...упрямый, тугорогий баран!

– Просто не хочется стать жертвой твоего коварства.

– Ты же не дурак! – воскликнула я со злостью. – Я – коренной житель этих мест! И, вообще-то, не хочу подохнуть на этом корыте, когда стена обрушит на тебя свой гнев!

– Ты человек, которому было бы выгодно крушение этого самого “корыта”.

– Ладно! – я закатила глаза и сделала еще шаг. Не знаю, что на меня нашло. Какая-то жажда провокации, желание расшевелить тигра, вывести его из равновесия, вытащить из панциря его настоящего, чувствующего, переживающего. – Напиши дочери письмо заранее. Скажи, что ее папка, – дурак и дубина, не способный планировать свои действия. Из-за чего она и останется навсегда во дворце маджи, и кто знает, – я заметила, как опасно сверкнули глаза тигра, но уже не

могла остановиться, – возможно она в итоге займет мое место. Правда, проживет недолго, не в силах совладать с тьмой, пожирающей маджу.

– Закрой рот, – голос мужчины холодный, как ночи пустыни, – он катился по позвоночнику колючими клубочками, запуская под кожу тонкие иголки самого настоящего ужаса. – Не смей...

– “Не сметь” – что? Правда колет глаза, м? Ведь если мы погибнем здесь из-за твоего упрямства, то кто тогда спасет твою малышку?!

Между нами повисло напряженное молчание, такое густое и плотное, что его можно было бы разрезать ножом. Мы метали молнии друг в друга, сжимали и разжимали кулаки, ярились, ошетинились невидимыми колючками и пытались выглядеть настолько угрожающими, насколько могли.

Правда, в этом Виго мог бы дать мне фору. Такая махина выглядела угрожающе, даже если улыбалась.

– Значит, ты хочешь выйти на палубу?

– Ты очень сообразительный, как для кота.

Уголок рта мужчины дернулся вниз.

– Я буду полным идиотом, если позволю тебе это.

– Ты будешь еще большим идиотом, если не позволишь!

Клянусь, я не буду делать глупостей. Я хочу помочь.

Я протянула руку и коснулась его плеча. Совсем чуть-чуть, едва ли кончиками пальцев, но эффект был ошеломительным.

Виго тихо рыкнул и чуть не выкатился в коридор, когда дверь под его весом все-таки распахнулась настежь. Запустив пятерню в волосы, он зыркнул на меня с предубеждением и опаской.

– Ладно! Поешь нормально – и иди наружу. Так и быть, дам тебе воздухом подышать. Но это будет в первый и последний раз, если начнешь творить глупости!

Виго

Я следил за ней, как голодный хищник в засаде. Пусть только дернется, только даст мне повод воплотить угрозу в жизнь, и не пожалею – запру в каюте до самого конца путешествия и буду только кормить в определенное время, чтобы не загнулась случайно.

Я старался не подходить к ней слишком близко, вообще держался где-то в стороне, но так, чтобы успеть предотвратить очередную глупость. Даже пожертвовал еще один кусок тонкой веревки, часть которой приказала долго жить при падении с корабля, но все еще могла остановить девчонку в случае, если бы ей в голову пришла очередная “гениальная” идея.

Правда, Заноза всеми силами старалась вести себя прилично.

Она выскочила на палубу с такой радостью, будто ее десять лет держали в темной пещере, под замком, и только сейчас решили выпустить наружу и показать, на что похож солнечный свет.

Девчонка подбежала к перилам и оперлась ладонями на теплое дерево. Я весь напрягся, когда она подалась вперед, подставляя лицо ветру, но Заноза не пыталась выпрыгнуть прочь или сделать что-то глупое и опасное – просто наслаждалась порывами жаркого воздуха, что игриво дергал ее за

подол рубашки и путался в темных волосах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.